

УДК 821.161.1

DOI 10.25587/2782-6635-2024-1-19-29

Мотив «донкихотства» в русской литературе XIX века

С. Дж. Гасимова

Бакинский славянский университет, г. Баку, Азербайджан

✉ sali13@list.ru

Аннотация. Нами были рассмотрены некоторые наиболее важные истоки образа Дон Кихота в русской литературе. На русскую почву роман Сервантеса приходит во второй половине XVIII столетия в связи с переводом В. А. Жуковского и творчеством М. В. Ломоносова, Г. Р. Державина, И. А. Крылова, Д. И. Фонвизина, А. П. Сумарокова, Н. М. Карамзина, А. Н. Радищева и некоторых др. Начиная с творчества А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского тема донкихотства в русской литературе приобретает новаторский проблемный и сюжетный поворот. К примеру, в статье рассматривается образ русского мятежника-самозванца из повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» как вариация мышления Дон Кихота, проводится сравнительно-сопоставительный анализ двух персонажей. Центральным звеном повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» является деятельность Пугачева, имеющая как реально-историческую, так и авантюрную направленность. Так возник миф о русском герое-самозванце, рефлексия которого наблюдается у его дальнего соплеменника – Дон Кихота Сервантеса. Совершенно под другим ракурсом, на наш взгляд, переосмыслены некоторые донкихотовские ситуации Н. В. Гоголем в поэме «Мертвые души». Как Сервантес впервые в испанской литературе эпохи Возрождения придал сатире на рыцарские романы исследовательский характер, точно также Гоголь с аналитических позиций воссоздал широкую панораму русской жизни. Интересы гоголевского Чичикова напоминают пристрастия оруженосца Дон Кихота – Санчо Пансы. Ф. М. Достоевским был выведен образ «положительно прекрасного человека» в лице князя Мышкина (роман «Идиот»). Поступки двух героев – Дон Кихота и Льва Мышкина неотделимы от этических воззрений. Они пытаются преобразовать мир на основе утверждения моральных принципов.

Ключевые слова: русская литература, А. С. Пушкин, тема донкихотства, Сервантес, повесть, Н. В. Гоголь, классический персонаж, Ф. М. Достоевский.

Для цитирования: Гасимова С. Дж. Мотив «донкихотства» в русской литературе XIX века. Вопросы национальных литератур. 2024, № 1 (13). С. 19–29. DOI: 10.25587/2782-6635-2024-1-19-29

The motif of "quixotism" in Russian literature of the 19th century

S. J. Gasimova

Baku Slavic University, Baku, Azerbaijan

✉ sali13@list.ru

Abstract. We have considered some of the most important origins of the image of Don Quixote in Russian literature. Cervantes' novel came to Russian soil in the second half of the 18th century thanks to the translation by Vasily Zhukovsky and the works of Mikhail Lomonosov, Gavril Derzhavin, Ivan Krylov, Dmitry Fonvizin, Alexander Sumarokov, Nikolai Karamzin, Alexander Radishchev and some others. From the works of Alexander Pushkin, Nikolai Gogol and Fyodor Dostoevsky, the motif of quixotism in Russian literature acquires an innovative problematic and plot twist. For example, the article examines the image of the Russian rebel-impostor from Pushkin's novel "The Captain's Daughter" as a variation of Don Quixote's thinking, a comparative analysis of the two characters is carried out. The central link of Pushkin's novel "The Captain's Daughter" is Pugachev's activity, which has both a real-historical and adventurous aspects. This is how the myth of the Russian impostor hero arose, the reflection of which is

observed in his distant tribesman – Cervantes's Don Quixote. In our opinion, some quixotic situations were reinterpreted by Gogol in his poem "Dead Souls" from a completely different angle. Just as Cervantes gave a satire on chivalric novels an exploratory character for the first time in Spanish Renaissance literature, Gogol also recreated a wide panorama of Russian life from an analytical point of view. Gogol's Chichikov resembles the predilections of Don Quixote's squire, Sancho Panza. Dostoevsky created the image of a "positively beautiful man" in the person of Prince Myshkin in "The Idiot". The actions of the two characters, Don Quixote and Lev Myshkin, are inseparable from ethical views. They are trying to transform the world based on the assertion of moral principles.

Keywords: Russian literature, Alexander Pushkin, motif of quixotism, Cervantes, novella, Nikolai Gogol, classic character, Fyodor Dostoevsky.

For citation: Gasimova S. J. The motif of "quixotism" in Russian literature of the 19th century. Issues of National Literature. 2024, No. 1 (13). Pp. 19–29. DOI: 10.25587/2782-6635-2024-1-19-29

Введение

Донкихотство в русской литературе – тема особая. Пристальный интерес к ней появился в последней трети XVIII в. В той или иной степени мимо него не могли пройти М. В. Ломоносов, Г. Р. Державин, Н. М. Карамзин, А. Н. Радищев, А. П. Сумароков и др. Каждый из них находился в поисках своего угла зрения. Некоторые были похожи на Ламанчского рыцаря собственным мировоззрением или методами борьбы с крепостническим самодержавием в России. Ярким примером можно считать убеждения А. Н. Радищева. Другие, как Н. Карамзин, признавались, что похожи на Дон Кихота маниакальной любовью ко всему человечеству. Третьи (И. И. Дмитриев, Е. А. Баратынский) в отдельных поэтических и прозаических образах делали его объектом насмешек или же бездумного расточительства. Но в русской литературе XVIII столетия образ Дон Кихота так или иначе дублировал наиболее известные его черты характера, почти ничего нового к нему не добавляя. А. С. Пушкин в развитии темы донкихотства как аккумуляции своих многочисленных признаков сделал революционный шаг вперед. Точнее, его повесть «Капитанская дочка» заметно преобразила замысел Сервантеса, представив читателям одну из вариаций мышления легендарного испанского героя в лице Пугачева.

Интерпретация кихотизма в русской литературе

Необходимо подчеркнуть, что в первой половине XIX в. питательной средой русского донкихотства был ряд тех общественных явлений, которые подходили под исторические мерки пореформенной России. Многих фактов и событий, связанных со скорой сменой политических формаций, Европа просто не знала. Потому и переосмысление донкихотовских ситуаций в это время, и в творчестве А. С. Пушкина в частности, следует искать именно в специфических особенностях русской духовной жизни.

Ю. Айхенвальд в монографии «Дон Кихот на русской почве» указывает: «У кихотизма в России были свои, национально-русские духовные источники – не одни сказки об Иванушке-дурачке, не только юродство Христа ради и странничество, но прежде всего страстотерпчество, важная особенность русской святости. Чем катастрофичнее складывалась европейская (и русская) история, тем очевиднее становилась эта связь, Яснее всего она прослеживается не на примерах литературных интерпретаций, а на примерах человеческого воплощения кихотизма» [1, с. 199].

По нашему мнению, пушкинский Пугачев является яркой иллюстрацией к словам известного критика. Автор «Капитанской дочки», верный романной теме «лишнего человека», в этой повести отразил, хотя и частную, но типично русскую идею бунтаря. Он истый страстотерпец, не лишенный положительных качеств, но при этом для

официальных властей только странник и самозванец. Целесообразным представляется напомнить, что ранее классическим примером была историческая литература о самозванце Григории Отрепьеве, однако, художественное воплощение этой темы со значительными последствиями и крахом идеи народного вождя объективно впервые представлено А. Пушкиным в повести «Капитанская дочка».

На наш взгляд, очевидно, что Сервантес в лице главного героя прямым и непосредственным образом не показывал самозванца, взбунтовавшегося против правительственной власти в Испании. Однако в России, начиная с XIX в., классический персонаж заиграл многими сопутствующими гранями. На основе вольных походов Дон Кихота возник национальный миф о самозванце. При этом черты, которые заложены в человеке такой идейной закалки, уже целиком и полностью отвечали поведению пушкинского Дон Кихота. А именно: Пугачев ищет лучшей личной доли в радости и счастье своего окружения, простых русских людей – крестьян и служивых. Он, бесспорно, считал своим долгом восстать против народного притеснения. Такова главная цель всех его завоеваний. Потому с точки зрения русского писателя вполне естественным и правдоподобным выглядело и его донкихотство. В «Капитанской дочке» некоторые черты характера испанского героя трансформированы не только в политической области (так как сам народный вождь, по Пушкину, был неграмотным и крайне слабо разбирался во всех социально-политических вопросах своего времени), но и в частной жизни. Пугачев по природе своей не мог оставаться равнодушным ко всякого рода несправедливости в русском обществе, военное вмешательство он считал своим долгом.

Как же происходит переосмысление исконной донкихотовской ситуации, заключающейся в Дон Кихоте-отщепенце, в повести А. Пушкина «Капитанская дочка»? С этой целью остановимся на основных чертах характера Пугачева в авторском освещении, которые, на наш взгляд, наиболее корректно можно соотнести с главным героем Сервантеса. Прежде всего следует подчеркнуть, что художественное перевоплощение интересующего нас действующего лица в «Капитанской дочке» резко расходится с фактами официальной историографии допушкинского времени. Пугачевский бунт в повести показан разнообразнее, нежели в реальной истории. Соратник поэта М. Н. Катков отмечал в «Русском вестнике», что повесть «Капитанская дочка» А. С. Пушкина несравненно более знакомит нас с эпохой, местами и характером лиц и событий, нежели самая история пугачевского бунта. Удивительная верность изображений была новостью в нашей литературе» [2, с. 294]. Поэтому и образ получился более полнокровным, обрисованным живо, метко и впечатлительно. Дон Кихот не сеял вокруг себя смерть, многочисленные эпизоды, связанные с военным захватом тех или иных людей, животных или объектов, однозначно показаны Сервантесом в пародийном аспекте. Все они заканчиваются поражением и посрамлением героя. Движение же Пугачева лежит в ином направлении. Он начинает наводить неподдельный страх на «белгородцев» еще на расстоянии. «Вскоре все заговорили о Пугачеве. Толки были различны... Урядник возвратился и объявил, что в степи верст за шестьдесят от крепости видел он множество огней и слышал от башкирцев, что и идет неведомая сила» [3, с. 289]; или: «Батюшки, беда! Комендант и все офицеры перевешаны. Все солдаты взяты в полон. Того и гляди, злодеи будут сюда» [3, с. 293].

Но при отмеченном сюжетном расхождении нельзя не заметить, что Пугачева роднят с сервантесовским прототипом идеализация, а также такие черты характера, как простодушие, искренность и т.п. Эти чувства он проявляет прежде всего к Гриневу, доброту – к Маше Мироновой, снисходительность – к Швабрину. Дон Кихота по ходу романа многие действующие лица (главные и второстепенные) называли злодеем и разбойником. Его добрые порывы не только не воспринимают всерьез, но и повсеместно кланут. Над ним открыто и беспартийно издеваются, называют человеком презренным и ничтожным. Устами ребенка уж тем более глаголет истина. Пастушок

Андрес предрекает: «... не защищайте и не выручайте меня... Будьте вы прокляты богом, а вместе с вашей милостью и все странствующие рыцари, какие когда-либо появлялись на свет» [4, с. 161]. Беды героя усугубляются еще и тем обстоятельством, что не только девятилетний мальчик, но и обитатели постоянных дворов и иного рода простолюдины гонят его, изощренно издеваются герцогская чета и их свита.

Нетрудно видеть, что Пугачева называют исключительно разбойником и злодеем, начиная от Савельича и заканчивая комендантами крепостей и представителями высшего света. Более того, художественная обрисовка дополняет столь нелестные отзывы о нем со стороны всех сословий, кроме народного, встречающего его с «хлебом-солью» и самих мятежников. Для них его авторитет непререкаем прежде всего своей справедливостью, внутренний облик привлекателен, потому что воплощает в себе характерные черты русского народа: широту, цельность и удаль натуры. Народ видит в нем своего заступника. Казаки и солдаты Белогорской крепости не желают сражаться против Пугачева, переходят на его сторону; жители крепости встречают его радостно. А. С. Пушкин неоднократно показывает Пугачева, окруженного народом; слышав колокольчик тройки, народ выбегает его встречать.

Натуры Дон Кихота и Пугачева в сущности вовсе не такие грозные, хищные и кровожадные, оба героя в определенного рода ситуациях готовы и прощать. Достаточно отметить, как, победив Рыцаря Зеркал или добившись мнимой цели служить его даме сердца, Дон Кихот отпускает врага. В свою очередь вождь народного восстания надолго запомнил мелочную дорожную услугу, оказанную ему Гриневым; он готов казнить Швабрину, защищая от его козней сироту. Существо дела заключается лишь в том, что все эти добрые порывы идут вразрез с настроением окружающей его толпы, возбуждая в ней протесты. Пугачев, по мысли А. С. Пушкина, по долгу службы предводителя обязан адекватно реагировать на гнев народный; потому он поневоле должен напускать на себя грозное величие и беспощадность.

Заметим, что и в дальнейшем развитии повести Пугачев выступает не столько злодеем, устрашающим толпу мрачностью своей титанической натуры, сколько человеком, дарящим вольность, причем как на деле, так и на словах («Каждый хвастал, предлагал свои мнения и свободно оспаривал Пугачева») [3, с. 304]. Так что человеческие качества берут верх.

Критик В. Е. Багно в работе «Дорогами Дон Кихота» указал, что многие исследователи считали слог романа Сервантеса грубым, подвиги неправдоподобными, любовь похотливой, рассуждения глупыми, некоторые битвы утомительными и т. п. «Однако эти филиппики, – подчеркивает ученый, – при всей их здравости, в значительной мере подтачиваются всевозрастающей симпатией к ламанчскому рыцарю, а косвенным образом – и к его убеждениям» [5, с. 54].

К концу повести А. С. Пушкина почти аналогично жестокость Пугачева уступает место авторской и, надо полагать, читательской симпатии. «Не могу изъяснить то, что я чувствовал, расставаясь с этим ужасным человеком, – искренне признается Гринев. Зачем не сказать истины? В эту минуту сильное сочувствие влекло меня к нему» [3, с. 333]. Прощая Гриневу дерзости, милую Швабрину, жалея сироту и устраивая личную жизнь Маши Мироновой, на наш взгляд, Пугачев еще глубже приближается к образу жизни и мировосприятию Дон Кихота. Словно побитый рыцарь, он остается все тем же случайным степным бродягой и добродушным плутом.

Таким образом, по нашему мнению, истинное радушие борца-самозванца удивительным образом гармонирует с добротой испанского отщепенца. Дон Кихот является защитником всех обездоленных, Пугачева доброта также не покидает до конца повести. Как тонко подметил А. М. Скабичевский: «Стоило Пушкину немножко более, чем следует, перепустить густых черных красок, что было так легко сделать сообразно тому ужасу и отвращению, какое возбуждал Пугачев в современниках Пушкина, и вышел бы

мелодраматический злодей, ни с чем несообразное нравственное чудовище; стоило бы от живой действительности хоть на один шаг вступить в область эффектных романтических образов, и вышло бы нечто вроде Карла Моора, образ очень красивый сам по себе, но чуждый исторической правде. Пушкин гениально избег и того и другого» [6, с. 80].

Есть аксиома: история не знает сослагательного наклонения. Но перед читателем «Капитанской дочки» не исторический трактат, а художественное произведение. Потому добавим к словам русского ученого, что, принизив значение Пугачева в русском народно-освободительном движении, обрядив его прежним бродягой, счастливо избежавшим казни, можно было его напрямую сопоставить с Дон Кихотом. Тем более что Сервантесу, как и А. С. Пушкину, объективно хорошо удалось свести героев на почву осязательной и будничной действительности.

Немаловажным представляется и то, каким образом в пушкинской повести переосмысливается донкихотовское понятие о свободе личности. В известном смысле слова начало романа Сервантеса носит авантюрно-новеллистический характер; герой присваивает себе то, что ему не принадлежит, пытается стяжать славу тех, кем он по крови и социальному положению вовсе не является. Но историческая миссия одинокого бунтовщика все равно predetermined, и в этом заключена его собственная позиция по вопросу свободы личности, точнее, свободы избранного жизненного пути. В таком аспекте облик Пугачева также изначально носит авантурный характер: он выдает себя за сына Петра III. С того времени его жизненный путь также определен. Далее в главе «Мятежная слобода» он рассказывает калмыцкую сказку о вороне, который питается мертвечиной и живет триста лет, и об орле, живущем на свете всего тридцать три года и питающемся свежим мясом и кровью. Общий смысл ее передан в бесчисленном количестве критической литературы. Так что опустим для нашей статьи массовые и расхожие рассуждения. Но вот что любопытно. Сказка, переданная Пугачевым, помимо своего основного назначения – поведать Гриневу о разных способах жизни заключает в себе и более широкий смысл – поэтизацию мятежной свободы, отрицание всякой мертвечины. В данном случае с учетом крушения всех надежд Пугачева, избранный путь вождя более похож на донкихотство как недостижимость идеала. И потому недаром Гринев перебивает его: «А знаешь ты, чем кончил Гришка Отрепьев? После рассказа наступило тягостное молчание, потому что такой выбор свободы Гриневу не по душе: «Затейлива сказка... Но жить убийством и разбоем значит по мне клеветать мертвечину» [3, с. 327].

Совершенно под другим ракурсом, на наш взгляд, переосмыслены некоторые донкихотовские ситуации Н. В. Гоголем в поэме «Мертвые души» [7]. Как Сервантес впервые в испанской литературе эпохи Возрождения придал сатире на рыцарские романы исследовательский характер, точно также Гоголь с аналитических позиций воссоздал широкую панораму русской жизни. Общеизвестно, что «Дон Кихот» – гораздо больше, чем пародия на рыцарские романы. Добавим, что Сервантес вскрыл внутренний «механизм» борьбы со злом, хотя и чрезвычайно наивными средствами; Гоголь здесь также не только изобразил зло, но прежде всего, попытался объяснить, откуда оно происходит, что его в России порождает.

В то же время отметим, что дидактическая сатира «Дон Кихота» описывала жизненные противоречия, с которыми сталкивался главный герой, не вскрывая их сущности. Если автор отчасти и присутствовал, то он, наряду с обличением подобных методов борьбы, сам занимал позицию «благородного негодования». Сервантес, по признанию многих русских и европейских критиков, противостоял обличаемым порокам. Воззрения Н. Гоголя иные. Он изображает действительность изнутри, словно проникает внутрь того мира, в котором действует несколько персонажей, живет их интересами, исследует характер. Но Сервантес и Гоголь, по нашему убеждению, не смотрят на них как на примеры для назидания и исправления, а поднимаются (правда, каждый в известной степени) до обличения глобальных явлений в жизни своей страны.

Определенное идейное родство между романом Сервантеса и поэмой Н. В. Гоголя мы усматриваем одновременно в нескольких плоскостях. Во-первых, бросается в глаза общий композиционный рисунок. «Дон Кихот» смело можно рассматривать как одиссею двух лиц, так как почти каждая глава являет собой пространственное перемещение. «Мертвые души» – это тоже своего рода одиссея центрального героя Чичикова, потому что вся книга состоит из его передвижений по областям. Во-вторых, некоторые лица руководствуются теми же принципами, что и Дон Кихот. Например, Манилов, в котором постоянно ощущается любовь к пышной и цветистой фразе, смешон и умилителен в своей беспричинной глупости. Она фактически сродни той бесконечной фантазии и наивности, которая пронизывает образ Ламанчского рыцаря. Ноздрев при всей своей низости и бесхарактерности («Герои один пошлее другого» Н. В. Гоголь) отличается простотою натуры, живет широко и размашисто. При каждой новой встрече с Чичиковым он жаждет новых приключений. Он, бесспорно, ярче напомнил нам стремление к новым путешествиям Дон Кихота. В-третьих, центральный герой поэмы, по нашему мнению, имеет ряд отличительных особенностей, которые сближают его не с самим Рыцарем Печального Образа, но с его оруженосцем.

Попытаемся обосновать наше мнение. Ядром сюжета «Мертвых душ» является авантюра Чичикова. Практически каждая глава поэмы расширяет наше представление о его поразительных по размаху мысли возможностях. В отличие от Манилова, Коробочки и Ноздрева, автор ясно дает понять, что пустой и праздный образ времяпровождения напрямую противопоставляется «сухой прозе» жизни, которую и олицетворяет собой Чичиков. Грубым рационализмом взвешенных решений, хотя и основанных на мошенничестве, Чичиков фактически оттеняет помещиков. Недаром бездеятельный Манилов, пустопорожний красноречивый Ноздрев и хлопотливая Коробочка с Чичиковым поставлены Н. В. Гоголем рядом. Они в некотором роде антиподы, один характер делает более резким и рельефным другой. При этом Н. В. Гоголь иронически замечает, что автор вместе с читателем «должны тащиться», куда Чичикову вздумается. Не приди чиновнику в голову мысль совершить «негодую» с мертвыми душами, «не явилась бы на свет сия поэма».

Однако стержнем, на котором держится поэма Гоголя, является литературный конфликт между «прозой» и «поэзией». Это составляет одну из интерпретаций романа Сервантеса, согласно которой по обе стороны разведены два типа душевного склада характера – наивного мечтателя и приземленного практика. Без комментариев оставляем тот факт, что Чичиков в беседе с помещиками постоянно возвращается к практическому аспекту купли-продажи. Более того, он выступает в роли искусного актера, пытающегося подобрать к каждому из героев свой ключик. Отчасти он и психолог, способный видеть некоторые изгибы человеческой души. Так, он знает, как себя вести в различных ситуациях. На собрании у полицмейстера он размышлял «буквально в маниловском духе», хотя рядом с ним не Манилов, а Собакевич: «Чичиков никогда не чувствовал себя в таком веселом расположении, воображал себя уже настоящим херсонским помещиком, говорил об разных улучшениях: о трехпольном хозяйстве, о счастье и блаженстве двух душ – и стал читать Собакевичу послание в стихах Вертера к Шарлотте, на которое тот хлопал глазами»[7].

При этом главный герой очень разнолик: в его характере есть и маниловская любовь к «благородному» жесту, и мелочная скаредность Коробочки, и самовлюбленность Ноздрева, и грубая прижимистость, холодный цинизм Собакевича, и скопидомство Плюшкина. Чичикову легко оказаться зеркалом любого из этих собеседников, потому что в нем есть все те качества, которые составляют основу характера помещиков. И эта ложная, по Гоголю, «многогранность» Чичикова, родственность его «мертвым душам» помещиков позволяет сделать его центральным героем поэмы. Так что афера с «Мертвыми душами» и «сухая проза» в манерах поведения Чичикова, особо заостряемые автором, объединяют главы поэмы.

Это ли не зеркало большинства рассуждений Санчо Пансы. Обратимся к тексту романа. Оруженосец тащится за рыцарем, но его идейных убеждений вовсе не разделяет. Все мечты и надежды Дон Кихота на спасение человечества легко разбиваются о стену сдержанного недружелюбия. «Сеньор, я человек тихий, смирный, миролюбивый, я готов снести любое унижение, потому мне надо жену кормить и детей вывести в люди» [4, с. 57]. Нет смысла приводить обширную цитату целиком; из дальнейшего текста следует, что Санчо Панса не собирается «обнажать меча ни против рыцаря, ни против простолюдина» исключительно из практических интересов.

Этого рационализма не занимать оруженосцу. Когда он видит, что Дон Кихот смотрит сквозь пальцы на устройство своей счастливой жизни, то, опережая его дальнейшие действия, говорит: «Ну скажите мне, сеньор, неужели ваша милость собирается даром пропутешествовать и упустить, и прозевать такую богатую и знатную невесту, в приданое за которую дают целое королевство». В своем оголтелом практицизме и деловой хватке Санчо Панса доходит иногда до такой степени иступленности, что позволяет себе открыто спорить с господином: «И не перечьте вы мне, ради создателя, лучше постыдитесь своих слов, послушайте моего совета и, не во гнев вам будет сказано, обвенчайтесь в первом же селении...» [4, с. 157].

Сервантес был, конечно, далек от мысли делать из слуги Дон Кихота скупца; он, собственно, и выведен в романе с иной целью. Однако бытовой подход ко многим жизненным проблемам, что в дальнейшем охарактеризует все действия гоголевского персонажа, здесь налицо. Отправляясь в очередной поход, Санчо Панса заблаговременно и предусмотрительно интересуется своим жалованием и педантично обговаривает сроки его выплаты: «... сколько вы могли бы положить мне в месяц жалованья, выплатить наличными, а то служить за награды я не согласен... Словом, мало ли, много ли, а я хочу знать, сколько я зарабатываю» [4, с. 253].

Цитата свидетельствует о том, что Санчо Панса впервые в истории мировой литературы представлен как приобретатель. Он, разумеется, технологию накопления денег представляет себе в грубо схематичном и схоластическом виде. От формулы: я честно служу и хочу получать за это конкретные деньги – он не уходит. Иных и более тонких способов заработка герой не знает. Но показательно, что эту черту Н. В. Гоголь метко схватывает, развивает и доводит до максимализма в своей поэме. Так, С. Машинский в монографии «Гоголь» пишет: «Чичиков – приобретатель, а не предприниматель; в сознании Гоголя это настолько различные вещи, что он наделяет своих идеальных Костанжогло и Муразова чертой честного патриархального предпринимательства, совсем не представляя себе «механики» предпринимательства и его несовместимости со своим патриархальным идеалом». «В «Мертвых душах» взят характер, для которого приобретательство – не внешняя страсть, ломающая талант и жизнь, а сама суть, постоянная жизнь этого характера. Образ Чичикова – громадное открытие Гоголя в русской литературе» [8, с. 53].

Нам представляется, что одиссея главного героя кровными нитями связана с очень сложным и неординарным составом личности Санчо Пансы. И текст вновь тому не противоречит. По мысли Сервантеса, слуга Дон Кихота прекрасно устроен в семье (супруга Тереса ждет от него новых наград и побед на почве рыцарства); ищет возможности приобрести нечто полезное для себя от службы господину; мечтает о губернаторстве и искренне верит в свою «счастливую звезду». Но для этого необходимо нравиться окружающим. И Гоголь пишет, что «Чичиков в совершенстве постиг великую тайну нравиться». Оттенки настроения гоголевского героя напоминают манеры обращения с людьми Санчо Пансы. С Тересой он всегда мечтательный; с Дон Кихотом – почти всегда учтивый, иногда угодливый; с бакалавром – забавный и сентиментальный; прямой и неподдельный с герцогиней, грубоватый с цирюльниками, приبلудными девками на постоянных дворах, то есть людьми своего сословия, наконец, немного

жалкий в эпизодах краха губернаторства. В последнем случае от угодливости и внешней привлекательности у слуги не остается и следа [4].

По нашему мнению, не оставляет места для сомнений и тот факт, что афера Чичикова поддерживается всеобщим беспорядком в России, в частности бедственным положением крестьян: «А теперь же время удобное, недавно была эпидемия, народу вымерло, слава Богу, не мало. Помещики попроигрывались в карты, закутили и промотали как следует, все полезли в Петербург служить: имения брошены, управляются с каждым годом труднее, так мне с радостью уступит их каждый, уже потому только, чтобы не платить за них подушных денег...» [7, с. 199]. Аналогично прозорливым оказался Сервантес, когда намекает на то, что Дон Кихоты появляются в свете в период массового общественного разброда, когда действует логика поговорки: «Много хозяев – нет хозяина». А иначе как объяснить слова рыцаря, сказанные Санчо Пансе в кратковременный период своего умственного просветления, то есть в здравом уме и твердой памяти: «И может статься, что малодушие, высказанное одним во время пытки, безденежье в другом случае, отсутствие покровителей у кого-то еще и, наконец, неправильное решение судьи послужили причиной вашей гибели и того, что вы не сумели оправдаться» [4, с. 109].

Новый и необычный сюжетный поворот в переосмыслении донкихотовских ситуаций показан Ф. М. Достоевским в романе «Идиот» [9]. Причем он уникален в том смысле, что, в отличие от всех предыдущих случаев, решает искомую проблему не только при сюжетно-композиционном сопоставлении.

Так, в более раннем «Дневнике писателя» автор высказал мысль о расколе между славянофилами и западниками. Представил он идейный разрыв в типично донкихотовском аспекте. Вот что пишет Ф. М. Достоевский: «Древний легендарный рыцарь верил, что пред ним падут все препятствия, все призраки и чудовища и что он победит все и всех и всего достигнет, если только верно сохранит свой обет «справедливости, целомудрия и нищеты». «Вы спросите, – задается автор риторическим вопросом, – что все это легенды и песни, которым может верить один Дон Кихот, и что совсем не таковы законы действительной жизни нации... В самом деле, чему вы верите? Вы верите (да и я с вами) в общечеловечность, то есть в то, что падут когда-нибудь, перед светом разума и сознания, естественные преграды и предрассудки, разделяющие до сих пор свободное общение наций эгоизмом национальных требований, и что тогда только народы заживут одним духом и ладом, как братья, разумно и любовно стремясь к общей гармонии. Что ж господа, – заключает писатель, – что может быть выше и святее этой веры вашей? И главное ведь то, что веры этой вы нигде в мире более не найдете, ни у какого, например, народа в Европе, где личности наций чрезвычайно резко очерчены, где если есть эта вера, то не иначе как на степени какого-нибудь еще умозрительного только сознания, положим, пылкого и пламенного, но все же не более как кабинетного» [10, с. 24–25].

Перефразируя Ф. М. Достоевского, можно сказать, что эта та тихая и мирная пристань, которая помогает человеку заблудшему, в грехах погрязшему, нравственно возродиться. Но та же вера, как видим, тесно связана у писателя с донкихотством. Он полагал, что некоторые представители русской интеллигенции сумеют миролюбиво воссоединиться в своих моральных правах и обязанностях по отношению к народу. Это было, конечно, поспешное решение. Ф. М. Достоевский не учитывал, что тем самым он пытается вернуть день вчерашний собственной жертвенностью, но слишком многое его литературный герой неоправданно кладет на алтарь свободы. Однако эта донкихотовская идея была им кровно выстрадана, и нельзя не признать, что она отчасти в дальнейшем легла в основу романа «Идиот».

Итак, центральный персонаж романа князь Мышкин – одно из самых излюбленных и проникновенных созданий Ф. М. Достоевского. Он симпатичен прежде всего своей высокой нравственностью. Лидия Гинзбург в монографии «О психологической прозе» обобщает: «Литература имеет дело со свойствами, характерами, поступками

– со всевозможными формами обобщенного поведения человека. А там, где речь идет о поведении, любые жизненные ценности оказываются в то же самое время ценностями этическими. Тем самым между литературой и этикой существует нерасторжимая связь» [11, с. 403]. Продолжая мысль Л. Гинзбург, но, переводя ее из плана общего в частный, можно заключить: поступки двух героев – Дон Кихота и Льва Мышкина – неотделимы от этических воззрений. Они пытаются преобразовать мир на основе утверждения моральных принципов.

Непосредственно перед созданием произведения автор писал в письме своей племяннице Софье Ивановой: «Главная мысль романа – изобразить положительно прекрасного человека. Труднее этого нет ничего на свете, а особенно теперь. Все писатели, не только наши, но даже все европейские, кто только ни брался за изображение положительно прекрасного, – всегда пасовал. Потому что эта задача безмерная. Прекрасное есть идеал, а идеал – ни наш, ни цивилизованной Европы еще далеко не выработался» [12, с. 71]. Ф. М. Достоевский справился перед этой сложнейшей проблемой и блестяще раскрыл тему «положительно прекрасного человека» не без заметного влияния романа Сервантеса. Почти одинаковыми путями Дон Кихот и князь Мышкин пытаются у себя на родине «восстановить и воскресить человека».

Однако необходимо подчеркнуть, что идейная связь романа «Идиот» с «Дон Кихотом» уже не отличается условно-ассоциативной направленностью, как это только предполагалось в творчестве А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, но абсолютно реальная, зримая, подтвержденная личными убеждениями Ф. М. Достоевского. Во-первых, прозрачный намек дан в самом сочинении, когда мы узнаем, что любимой книгой дочери генерала Епанчина Аглаи был роман Сервантеса: «... она заложила записку Мышкина в одну толстую, переплетенную в крепкий корешок книгу... «Это был «Дон Кихот Ламанчский». Аглая ужасно расхохоталась – неизвестно чему» [9, с. 201]. Но в действительности расхохоталась она потому, что в князе прежде всего узнавала черты Дон Кихота. Во-вторых, на этом уподоблении Ф. М. Достоевский делает особый упор, чтобы у читателя тем самым не оставалось сомнений относительно случайного либо намеренного выбора книги. Так, Николай, желая лишний раз удостовериться в эмоциональных пристрастиях Аглаи, в присутствии многочисленных гостей генерала обращается к ней: «Я на собственном вашем восклицании основываюсь! – Месяц назад вы «Дон Кихота» перебирали и воскликнули эти слова, что нет лучше «рыцаря бедного» [9, с. 263].

Образ «бедного рыцаря» напрямую соотносится с Мышкиным, что позволяет Аглае самопроизвольно трактовать одно из стихотворений А. С. Пушкина на эту тему. Более того, именно в сравнении Мышкина с Дон Кихотом в разношерстной компании людей, группирующихся вокруг других действующих лиц романа, ярче отсвечивает «святая простота», мудрость и прозорливость князя. Аглая устами Ф. М. Достоевского говорит, что главный выбор героя Сервантеса не мотивирован соображениями умственного порядка; он спонтанен, но тем и примечателен. Пушкинский «рыцарь бедный» выбрал свою «даму сердца» и «поверил ее «чистой красоте», «а затем уже преклонился пред нею навеки...» [9, с. 265]. Это, безусловно, прямая отсылка писателя к проблеме выбора любви для центрального героя романа «Идиот». Настасья Филипповна, как бывшая содержанка Тоцкого, показана падшей женщиной, но для князя она является источником неиссякаемой радости, предметом преклонения и обожествления. Нравственная чистота и в известной степени мудрость Мышкина, по Ф. М. Достоевскому, состоят именно в рыцарском поклонении женщине, платонической любви и безграничном сострадании к ней. И когда князь, как бы мысленно пройдясь по прежним этапам жизненного пути Настасьи Филипповны, уверяет, что «она горда» и «до того несчастна, что и действительно виновною себя считает» [9, с. 181–182], то фактически с величайшей прозорливостью предначертал и все дальнейшие ее тяготы с купцом Рогожиным вплоть

до убийства. В обоих случаях призрачная любовь Дон Кихота к Дульсинея Тобосской и реальная – героя Достоевского носят, на наш взгляд, характер мудрого отступничества, доведенного до высшей точки отчаяния и безрассудства. Но некоторые положительные персонажи «Идиота» постепенно приходят к убеждению, что люди с наклонностями к такой чистой и незапятнанной рыцарской любви достойны уважения, чтобы принимать их у себя в светском обществе. Эта сквозная тематическая параллель в двух романах ясно дает о себе знать в следующей реплике Аглаи Епанчиной: «надо признаться, что способность к такому чувству много обозначает и что такие чувства оставляют по себе черту глубокую и весьма, с одной стороны, похвальную, не говоря уже о Дон Кихоте. “Рыцарь бедный” – тот же Дон Кихот, но только серьезный, а не комический. Я сначала, – подытоживает Аглая, – не понимала и смеялась, а теперь люблю “рыцаря бедного”, а главное, уважаю его подвиги» [9, с. 265]. Вполне понятно, что ирония и признание одновременно обращены здесь не столько к легендарному и вымышленному герою, сколько присутствующему князю Льву Мышкину. В-третьих, роман Ф. М. Достоевского определенно дает нам все основания полагать, что Мышкин изображен в состоянии той же раздвоенности сознания, что и его далекий испанский прототип. Недаром ведь Аглая, которая среди всех персонажей романа острее других подмечает искренность и бескорыстие князя Мышкина, четко фиксирует эту раздвоенность: «... я вас считаю за самого честного и самого правдивого человека, всех честнее и правдивее, и если говорят про вас, что у вас ум... то есть что вы больны иногда умом, то зато главный ум у вас лучше, чем у них у всех, такой даже, какой им и не снился, потому что есть два ума: главный и неглавный» [9, с. 335].

Заключение

Начиная с творчества А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, тема донкихотства в русской литературе приобретает новаторский, проблемный и сюжетный поворот. Центральным звеном повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» является деятельность Пугачева, имеющая как реально-историческую, так и авантюрную направленность. Так возник миф о русском герое-самозванце, рефлексия которого наблюдается у его дальнего соплеменника – Дон Кихота Сервантеса. Вместе с тем ярко, со всеми нюансами отношения к людям разных сословий, описаны многие черты характера вождя народного восстания. Характер интересов гоголевского Чичикова напоминает пристрастия оруженосца Дон Кихота – Санчо Пансы. Ф. М. Достоевским был выведен образ «положительно прекрасного человека» в лице князя Мышкина (роман «Идиот»). В статье мы показали, что мотивы перечисленных персонажей отчасти совпадают с мотивами поведения легендарных испанских героев.

Л и т е р а т у р а

1. Айхенвальд, Ю. Дон Кихот на русской почве / М. Айхенвальд. – Москва: Гендальф, 1996. – 352 с.
2. Катков, М. Н. Пушкин. «Капитанская дочка» / М. Н. Катков // Русский вестник, 1856. – Кн. 3. – С. 291–296.
3. Пушкин, А. С. Капитанская дочка. Повесть. В кн.: А. С. Пушкин. Собрание сочинений в десяти томах. Т. V. Романы и повести. – Москва: Правда, 1981. – С. 251–349.
4. Сервантес, Мигель де Сааведра. Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский. Роман / М. Сервантес. – Баку: Гянджлик, 1987. – 536 с.
5. Багно, В. Е. Дорогами «Дон Кихота» / В. Е. Багно. – Москва: Книга, 1988. – 448 с.
6. Скабичевский, А. М. Наш исторический роман в его прошлом и настоящем / А. М. Скабичевский // Северный вестник. – 1886. – № 1. – С. 77–83.
7. Гоголь, Н. В. Мертвые души / Н. В. Гоголь // Собрание художественных произведений в 5-ти томах. – Москва: Изд. Акад. наук СССР, 1952. – Т. 5. – 568 с.
8. Машинский, С. О. Гоголь (К столетию со дня смерти). 1852–1952 / С. О. Машинский. – Москва : Госкультпросветиздат, 1951. – 272 с.

9. Достоевский, Ф. М. Идиот // Ф. М. Достоевский // Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. 8. – Ленинград : Наука, 1972. – 512 с.
10. Достоевский, Ф. М. Дневник писателя // Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. 26. – Ленинград : Наука, 1984. – 584 с.
11. Гинзбург, Л. О психологической прозе / Л. Гинзбург. – Ленинград : Советский писатель. Лен. отделение, 1971. – 463 с.
12. Достоевский, Ф. М. Письма / Ф. М. Достоевский // Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. 3. – Ленинград : Наука, 1972. – 624 с.

References

1. Aikhenwald, Y. (1996) *Don Quixote on Russian soil*. Moscow: Gandalf. (In Russian)
2. Katkov, M. N. (1856) Pushkin. "Captain's Daughter". *Russky Vestnik*, book 3, pp. 291–296. (In Russian)
3. Pushkin, A. S. (1981) Captain's Daughter. A story. In: Pushkin, A. S. *Collected Works in Ten Volumes. Vol. V. Novels and novellas*. Moscow: Pravda, pp. 251–349. (In Russian)
4. Cervantes, Miguel de Saavedra. (1987) *The Cunning Hidalgo Don Quixote of La Mancha*. Baku: Ganjlik. (In Russian)
5. Bagno, V. E. (1988) *The Roads of Don Quixote*. Moscow: Kniga. (In Russian)
6. Skabichevsky, A. M. (1886) Our Historical Novel in its Past and Present. *Severny Vestnik*. 1, pp. 77–83. (In Russian)
7. Gogol, N. V. (1952) Dead Souls. In: Gogol, N. V. *Collected Works of Art in 5 volumes*. Moscow: Publishing House of the Acad. of Sciences of the USSR, Vol. 5. (In Russian)
8. Mashinsky, S. O. (1951) *Gogol (To the Centenary of his Death)*. 1852–1952. Moscow: Goskultprosvetizdat. (In Russian)
9. Dostoevsky, F. M. (1972) The Idiot. In: Dostoevsky, F. M. *Complete Works in Thirty Volumes. Vol. 8*. Leningrad: Nauka. (In Russian)
10. Dostoevsky, F. M. (1984) Diary of a Writer. In: Dostoevsky, F. M. *Complete Works in Thirty Volumes. Vol. 8*. Leningrad: Nauka. (In Russian)
11. Ginzburg, L. (1971) *About Psychological Prose*. Leningrad: Sovetskij pisatel'. (In Russian)
12. Dostoevsky, F. M. (1972) Letters. In: Dostoevsky, F. M. *Complete Works in Thirty Volumes. Vol. 3*. Leningrad: Nauka. (In Russian)

ГАСЫМОВА Салима Джабраил гызы – к. филол. н., доцент кафедры теории литературы и мировой литературы Бакинского славянского университета.

E-mail: sali13@list.ru

GASIMOVA Salima Jabrail gizi – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Theory of Literature and World Literature, Baku Slavic University.